

М. С. КОЗЛОВА

Витгенштейн: особый подход к философии (к проблеме бессмысленности философских фраз)

В лице Людвиг Витгенштейна (Вена, 1889 — Кембридж, 1951) Австрия подарила миру выдающегося мыслителя, оказавшего весьма заметное влияние на проблематику и стиль философствования XX в. Лейтмотив его исследований — поиск ответа на вопрос, что собой представляет *философия* и чем ей надлежит быть. Оригинальное толкование философии в сочетании с детальным изучением «ремесла» философов (характера их вопросов, типа аргументов и др.), пожалуй, наиболее интересно и ценно в исследованиях Витгенштейна. Не только из уважения к истории, но и для современного понимания существа дела представляется важным корректно разобраться в том, как представлял задачи философии человек и мыслитель XX в. по имени Людвиг Витгенштейн. В рамках доклада рассмотрим некоторые аспекты этой большой темы, фокусируя внимание на таком «остром сюжете», как тезис Витгенштейна о «бессмысленности философских утверждений».

Поиску ответа на вопрос, что есть философия, сопутствует в исследованиях Витгенштейна тщательный (иногда детальный) анализ многообразных проблем, волновавших философов разных эпох. Философия представлена в его работах в *особом аспекте*: не в форме «сказанного» (итоговых теоретических утверждений), а как «показанное» — метод уяснения, обнаруживающий себя в *действии*, работе. Это соответствует основному принципу, заявленному в «Логико-философском трактате». Суть его такова: все высказываемое можно высказать ясно, невысказываемое — не выскажешь: его приходится особым образом демонстрировать, показывать.

Разъясняется (уточняется) это так: *сказать*, то есть — строго говоря — выразить в *высказываниях*, можно лишь информацию

о возможных конкретных ситуациях в мире. Высказываниям — не перечеркивая их информативной сути — можно придать и обобщенную форму (законы науки и др.). Но это — довольно узкий диапазон человеческого опыта (языка), вне которого находится *невывыказываемое*. В этот массив опыта, наряду с многим другим, Витгенштейн включает и *философию*. Ее призванием он считает поиск и достижение *ясного видения, понимания* мира и жизни. А таковое, по логике его размышлений, не передается информативно, повествованием. Добывание и преобразование информации (высказывания) считаются делом ученых и др., но не философов¹. Философия же — другое дело: она мыслится не как учение, теория, а как деяние и потому должна *показывать себя в действии*.

В «ранних» и «поздних» трудах Витгенштейна *показ* философии выполняется по-разному. В «Трактате» — с помощью кратких *мыслей-афоризмов*, выстроенных в логическую цепочку. В «Философских исследованиях» и близких к ним по стилю работах — на примерах конкретных, ситуативных, размышлений (языковых игр), время от времени сопровождаемых попутными обобщенными *репликами*. Но и в тех и в других узнаются *типично философские фразы*. То есть заявленный принцип (философия — не сказанное, а показанное) вроде бы нарушается. Однако в «Трактате» автор находит своеобразный выход из положения: он заявляет, что философские высказывания не являются *высказываниями*. По форме — это парадокс, используемый как прием, способ заострить проблему, мобилизовать внимание читателя, предупредить его: все не так просто, будь начеку!

Нетривиальная концепция философии, которую мы находим в текстах Витгенштейна, заключает в себе немало загадок, над которыми приходится ломать голову. Сначала предложенный им подход к философии кажется совершенно беспрецедентным и слишком экстравагантным, чтобы его можно было с легкостью принять.

Видение философии, очерченное в «*Логико-философском трактате*», можно представить примерно так. Все, что может быть сказано, может быть сказано ясно, о чем невозможно говорить, о том следует молчать. Мысли, дотоле как бы туманные, невнятные, философия призвана делать ясными и отчетливыми. Важнейшая задача философии — определить *границы языка* —

¹ Витгенштейн считает науку и философию существенно разными формами опыта. И уже одно это показывает, насколько его позиции отличаются от логического позитивизма. Существенная черта всякого позитивизма — *сциентизм*. Витгенштейн же всю свою жизнь развенчивал сциентизм — как склонность подходить к философии, а также религии и другим формам опыта по меркам науки.

пределы, в которых могут формулироваться осмысленные высказывания. Философские фразы — не высказывания, как высказывания они *бесмысленны*. Философия — не теория, а деяние. Философствование выливается не в предложения, а в прояснение предложений. Согласно Витгенштейну, результат философии вроде бы прост: обретение *ясного видения мира* и жизненной мудрости. Путь же к нему сложен, связан с изощренными процедурами логического анализа языка. Философия толкуется как «критика языка» и считается не столько делом интеллекта, сколько *воли*. Она мыслится как работа человека над собой, призванная изменить не знания, язык или что-то еще (они в порядке!), а глубоко затронуть, изменить *самого человека*.

В поздний период творчества Витгенштейн многое переосмыслил (в сравнении с «Трактатом»), но его подход к философии как *деянию* (показанному, а не сказанному) в принципе не изменился. Он пояснял ученикам, что способен дать им лишь *метод*, помогающий справляться с искаженными представлениями, ведущий к *ясному*, непредвзятому пониманию, — научить же каким-то новым истинам не в его силах. И дело тут не в особенностях ума или натуры педагога, а в понимании природы философии — ее целей, функций, возможностей.

Витгенштейн не уставал пояснять, что — вопреки бытующим представлениям — философ открывает не какие-то глубинные, сокрытые тайны, до которых нужно докопаться. Напротив, уверял он: философские истины схватывают то, что очевидно, с чем никто не станет спорить, но что мы часто в упор не видим, поскольку оно примелькалось, но, что, будучи схвачено, тут же становится «общим местом», банальностью, которой никого не удивишь. Что говорить, без доходчивых примеров, разъяснений такие суждения не очень понятны. Нужна демонстрация, показ философии в работе!

Какими бы странными ни казались сначала те или иные суждения Витгенштейна о философии², опыт их толкования убеждает: разобравшись получше, в итоге их принимаешь. Осваивая мысли Витгенштейна, приходишь к выводу: в понимании природы философствования ему удалось увидеть, *открыть* очень верные вещи и, кстати, не столь уж мудреные. Что же сумел понять философ?

В его трудах раскрыта и подробно иллюстрирована органическая связь философствования с концептуальными схемами

² Взять хотя бы его шутливо-серьезное замечание: «Цель философии — показать мухе выход из мухоловки». Или требование: «Не думай, а смотри!» и др.

языка. Философия — с ее поиском *ясного* видения, понимания разного рода реалий — предстает как «проникновение» в работу языка, преодоление постоянно порождаемых им грамматических иллюзий («призраков»). В то же время Витгенштейну удалось выявить, сколь важную роль в философском мироуяснении играет *невыразимое, невысказываемое* — то, о чем невозможно говорить, что постигается лишь полным глубокого смысла *молчанием*. Кстати, «молчание» (постижение невысказываемого) может облекаться и в *слова*, фразы (поэзии, молитвы и др.), которые, тем не менее, согласно Витгенштейну, не являются *высказываниями*. «Показанное» понимается как опыт выражения, переживания, осмысления тех спектров мира и жизни, которые не передаются повествовательно — информативными утверждениями, способными быть истинными либо ложными. А только такие утверждения Витгенштейн и называет *высказываниями*.

Отсюда понятно заявление: философские фразы — на самом деле *невысказывания* (псевдовысказывания). Оно подразумевает: не все, что выглядит как высказывание, на самом деле является таковым. Это — одно из проявлений той особенности языка, которая в «Трактате» образно характеризуется словами: «язык передевает мысли». В самом деле, по форме философские фразы напоминают обычные предложения, информирующие о том или ином положении дел в мире, о состояниях, характеристиках вещей. На деле же, как подчеркивает философ, ни одна из типично философских фраз ни о чем не повествует. Потому-то, согласно его дефиниции *смысла* предложения (как речевого описания, изображения, возможной ситуации в мире), такие фразы и не имеют смысла, *бессмысленны*. По сути это постулат, который в контексте выстроенной аргументации, невозможно не принять³. Но, коли он принят, естественно возникает вопрос: а как быть с фразами, из которых составлен сам *трактат* Витгенштейна? Подпадают ли и они под общую «суровую» оценку философских положений или же составляют исключение? Рассуждая последовательно, Витгенштейн объявил *бессмысленными* и свои собственные философские утверждения. Иначе говоря, важнейшую для него (кантовскую по духу) проблему: «*Как возможна философия? Что она такое? Для него нужна?*» — он сформулировал в острой форме *философского парадокса*⁴.

³ Как невозможно не признать, скажем, положений геометрии, формулируемых на базе уже принятой аксиоматики.

⁴ И отныне это станет характерным для него приемом постановки философских проблем.

Вчитываясь в текст «Трактата», в какой-то момент ясно осознаешь, что в устах философа заявление о бессмысленности философских утверждений представляет собой вариант античного парадокса Эпименида-критянина, утверждающего, что «все критяне лгут». Но сказанное распространяется и на явление самого Эпименида (само-рефлексивность), в связи с чем и возникает хрестоматийно известная тупиковая ситуация⁵. Автор «Логико-философского трактата», заявив о бессмысленности философских утверждений, «как по нотам» разыграл названное логическое затруднение. Правда, в парадокс лжеца была внесена поправка: философские утверждения не ложны, они — бессмысленны. У Витгенштейна это звучит так: «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность. Большинство предложений и вопросов философа коренится в нашем непонимании логики языка»⁶. Иначе говоря, философы не лгут, а продуцируют бессмысленные фразы. А это было осознано к тому времени (Фреге, Рассел и др.) как куда более тяжкая логическая «порча» утверждений, чем их ложность. Последняя устанавливается нормальными процедурами проверки утверждений, сопоставлением смысла высказываний с соответствующими ситуациями. Бессмысленные же утверждения не проверишь, ибо неясно, о проверке чего в таких случаях вообще может идти речь. Витгенштейн пришел к выводу, что философские фразы — поскольку они не несут информации о конкретных ситуациях в мире — не являются ни истинными, ни ложными. А это и приравнивается к бессмысленному (что тоже по сути является постулатом). «Правильный метод философии, собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, то есть, кроме высказываний естествознания⁷, — следовательно, чего-то такого, что не имеет

⁵ С подобными противоречиями столкнулись исследователи оснований математики (Кантор, Фреге, Рассел и др.), и выход из них предложил Рассел в своей теории логических типов.

⁶ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 4.003.

⁷ Слово «естествознание» Витгенштейн применяет расширительно, называя естественным любой стихийно развивающийся процесс, рассматриваемый объективно, как некая совокупность фактов, натура, — с точки зрения ее элементов, структур, закономерностей. *Естествознание* по существу приравнивается к науке, изучающей те или иные реалии именно таким образом. Так, Витгенштейн кое-где говорит о «естественной истории людей» (этнологии и др.), об изучении естественных (реальных, фактических) проявлений того, как и что мы говорим в разных ситуациях.

ничего общего с философией. — А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделил значением определенные знаки своих предложений. Этот метод не приносил бы удовлетворения собеседнику — он не чувствовал бы, что его обучают философии, — но лишь такой метод был бы безусловно правильным»⁸.

Но заявив, что философы формулируют бессмысленные утверждения, Витгенштейн по существу вынес приговор и самому себе. Ведь он тоже пишет *философский* трактат, то есть и сам принадлежит к сообществу тех, чьи утверждения, по его оценке, бессмысленны. Витгенштейн отдает себе в этом ясный отчет и со всей определенностью признает: «Мои предложения служат прояснению: тот, кто поймет меня, поднявшись с их помощью — по ним — над ними, в конечном счете признает, что они бессмысленны. (Он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как поднимется по ней.) Ему нужно преодолеть эти предложения, тогда он правильно увидит мир»⁹. По существу это не что иное, как острая — парадоксальная — постановка главного вопроса «Трактата»: о том, что *может быть сказано ясно*, и что такому высказыванию не поддается. Первую группу составляют предложения естествознания и другие, аналогичные им, информативные фразы о происходящем в мире. Вторая включает в себя *псевдоутверждения* философского и иного (логического и математического) характера. Попытки преодолеть границы языка (высказать невысказываемое) выливаются в утверждения, строго говоря, *лишенные смысла*.

Так что же, «Логико-философский трактат» — бессмысленная работа? Тогда зачем было ее писать и какой смысл ее читать? Автор успокаивает недоумевающего читателя: тот, кто меня поймет, сможет подняться по этим предложениям, словно по ступеням лестницы, — пройти по ним, преодолев их — *к ясности*. А коли таковая достигнута, лестница больше не нужна и ее можно отбросить. Метафоры, поясняющие роль философии, могут быть и иными. В поздних работах философа вместо ступеней лестницы говорится о путевых знаках (зарубках и пр.), указывающих (напоминающих, подтверждающих) правильность пути. Используется метафора лабиринта языка (речевого разумения), где то и дело попадаешь в тупик, из которого нелегко найти выход, и др. При этом сохраняется суть подхода: понимание философии как *пути, метода, процедур* прояснения.

⁸ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. 6.53.

⁹ Там же. 6.54.

Впрочем, сохраняется и характеристика философских фраз как бессмысленных. Однако подчеркивается, что удалить их из языка (вспомним о программе «преодоления метафизики» в логическом позитивизме) невозможно, поскольку в человеческом интеллекте глубоко укоренена склонность время от времени прибегать к таким фразам¹⁰. Витгенштейн подмечает, что в определенных пунктах речевого разумения или коммуникации возникает непреодолимое желание сделать то или иное *философское заявление*. То есть совершить не реальный *рабочий* ход в соответствующей речевой игре, не *высказать* что-то, а с умным видом *изречь* (провозгласить) нечто, якобы имеющее особую важность. При этом формулируются не *высказывания* нормального типа (повествующие о чем-то), а нечто необычайное — философские *сверх-высказывания*. Склонность к таким заявлениям Витгенштейн описывает с присущей ему иронией: время от времени нас так и тянет изречь нечто философское, оно как бы напрашивается само собой. И вот мы изрекаем некие супер-фразы. Тем самым размышление о чем-то реальном, участие в конкретной речевой практике прерывается, и в поле внимания оказывается нечто совсем иное. Если (вслед за Витгенштейном) условно сравнить процесс обычной, нормальной работы языка с действием машины, совершающей полезную работу, то периодические переключения на философские сюжеты будут напоминать движения, не дающие эффекта. Витгенштейн сравнивает их с вращением колес, отвинтившихся от машины и вертящихся вхолостую. Для характеристики таких действий тоже используются разные метафоры. Мимоходом произносимые философские фразы сравниваются, в частности, с тем, как парикмахер в процессе стрижки волос время от времени как бы стрижет воздух, просто лязгая ножницами. Припоминаются и обманщики-портные (из сказки Андерсена «Голый король»), лишь имитирующие шитье роскошных одежд и церемонию облачения в них короля. Приводятся и другие наглядные пояснения.

Что же это за супер-фразы, сопутствующие реальным языковым практикам? Они многообразно иллюстрированы в работах Витгенштейна и, в свою очередь, сопровождаются разъясняющими репликами того же «нерабочего» характера, что и сами эти фразы. Да это и есть утверждения, традиционно именуемые *метафизическими*. Витгенштейн считает их *априорными*, *аналитическими*, *концептуальными* или *логическими* фразами.

¹⁰ Это явно переключается с мыслью Канта о том, что *склонность к метафизике неотделима* в человеческом интеллекте.

Согласно его терминологии, все эти характеристики объемлются понятием: *грамматические* утверждения. Под *грамматикой* в его работах понимается логическое поведение понятий в процессе реальных человеческих размышлений. Грамматика *динамична*: она обнаруживается в работе, действии концептуально-речевых форм. Примерами *грамматических высказываний* служат фразы такого типа, как: «Другой человек не может испытывать мою боль». «Только ты можешь знать, было ли у тебя такое желание». «Правило — это не то, что соблюдает лишь один человек и только раз в жизни». «Невозможно называть нечто правилом, если оно соблюдается редко, в виде исключения» и многие другие.

Высказывания такого рода не являются эмпирическими. Выражение «*не может*» подразумевает в них не физическую, психологическую или иную эмпирическую невозможность. Невозможность, фиксированная в таких фразах, носит куда более сильный характер — *логической невозможности*. Иначе говоря, это — *формальные* (концептуальные) фразы, регулирующие употребление языка в тех или иных его диапазонах (чувственного опыта, рассуждений о правилах и множество других). Такие фразы по существу фиксируют логико-языковую норму, принятый способ употребления, «грамматику» соответствующих выражений. Разрешая одни и запрещая другие способы выражения, они регулируют концептуальную корректность наших рассуждений.

По существу это — *правила*, работающие бесшумно, как любые правила (орфографии, шахматной игры, уличного движения и др.). Изрекать подобные фразы вроде бы нелепо. Не будешь ведь ни с того ни с сего формулировать нормы правописания или правила умножения. Правила должны не провозглашаться, а действовать. Но это верно лишь до тех пор, пока все идет нормально. В определенные моменты рассуждения возникает потребность напомнить (себе, другим) о каких-то концептуальных истинах, нормах применения формальных понятий (скажем, причинного, модального или иного ряда). Это становится необходимым тогда, поясняет Витгенштейн, когда мы запутываемся в нами же установленных правилах и попадаем в ловушку. Наиболее явным признаком этого служат логические *противоречия*. Витгенштейн это понимал. Стимулом для него стали труды Г. Фреге и логико-философские исследования Б. Рассела, во многом обусловленные выявлением парадоксов в основаниях математики. Этот «острый сюжет» играл очень важную роль и в философских исканиях Витгенштейна. В частности, для него стало характерным формулировать философские проблемы как парадоксы.

Методика постановки и решения философских проблем может быть выявлена («показывает» себя), в частности, на примере его известного парадокса *следования правилу*¹¹. Он строится как типичная языковая игра «попадания в логическую ловушку». Суть примера — внезапное изменение (переосмысление) правила, совершаемое в некий момент одним лицом и закрепляемое аргументом: теперь для меня правилом будет это. В сущности Витгенштейн ставит вопрос: могут ли правила изменяться внезапно (под действием привходящих обстоятельств)¹², так чтобы иной способ действия становился новым правилом? Далее начинается тщательный анализ ситуации — с различением и соотносением двух планов рассуждения: *концептуального* и *реального (эмпирического)*. В *логическом* ряду придуманная языковая игра заводит в тупик: «Невозможно четко следовать определенному правилу, так как любые действия можно привести в соответствие с неким правилом». Иной, *жизненно-практический*, ряд показывает, что опыт людей многообразен, во многом условен и допускает значительные вариации правил. Кроме того, демонстрируется, что правила могут претерпевать изменения, в том числе и резкие. Как бы заручившись жизненно-практической поддержкой, философ переходит в иной, концептуальный, ряд, где действует «логика понятий» с присущими ей собственными (не эмпирическими) законами. Тут дело упирается в устоявшуюся концептуальную практику и логические связи понятий, образующие целую сеть *внутренних* смысловых соотношений. И именно сложившийся концептуальный аппарат регулирует осмысленную работу языка, определяет действия по правилам, в нарушение правил, их изменение и т. д. Варьируя эти понятия, изобретая разные ситуации их применения, Витгенштейн тренирует концептуальную ориентированность читателя, прививая ему навыки, позволяющие выпутываться из концептуальных ловушек, парадоксов. В этот практикум многообразных игр время от времени опять-таки включаются «грамматические» пояснения. Примерно такие: «правило — это не то, что меняется вдруг, внезапно (с невинным видом), без предупреждения и пр.». Или: «Правило — это не то, что выполняет лишь один человек и лишь раз в жизни». «Правило — устоявшаяся социальная норма пове-

¹¹ Этот парадокс изложен в «Философских исследованиях», а также в «Замечаниях по основаниям математики».

¹² К такой уловке иногда прибегают дети: скажем, совершив досадную ошибку в игре, говорят, что они играют в эту игру *так* (что для них это является правилом). Понятно, это связано с еще неустоявшимся чувством *логики языка*.

дения. Это — практика, обычай, традиция». «Правила — черта социума, его установленные нормы, а не просто воля частного лица, способная “сработать” в любой момент и при этом все-таки оставаться правилом». «Если правило может измениться вдруг, это уже не правило».

Кроме того, учитывается *истолкование* правил как обязательный момент правилосообразной деятельности. При этом обнаруживается, что концептуальное выражение и этого феномена — при малейшем недопонимании логики понятий — способен свергнуть нас в парадокс. Например, кому-то показалось, что правила можно толковать по собственному разумению и сообразно этому действовать. А это будет подталкивать к представлению, будто правила — вещь персональная и что каждый соблюдает их по-своему. Ведь в самом деле, люди — не автоматы и должны отдавать себе отчет о смысле того или иного правила. А это как бы предполагает, что решающий пункт регуляции поведения — именно *интерпретация* правил. Но подобное понимание таит в себе новую трудность. Анализируя эту сторону дела, Витгенштейн разъясняет: правило не может поддерживаться одним лишь *умственным* его толкованием. Обоснования в свою очередь требуют новых обоснований (регресс в бесконечность), и правило «зависнет». Мы снова попадаем в ситуацию дискомфорта, и становится понятно, что, двигаясь в чисто логическом ряду, ситуацию опять-таки не спасти. Следует новое пояснение: процесс обоснования не может быть бесконечным. Любым обоснованием где-то приходит конец. Углубляясь в существо дела, проходя на этом пути ряд логических «слоев», мы как бы упираемся в скальный грунт, — доходим до какой-то *границы*, которую уже не перейти. Исчерпав ресурсы логической аргументации, упираешься в границы языка! Приходится вновь спуститься из *мира логики* на «грешную землю». Ясно это понимая и «переведа стрелку» своего размышления, Витгенштейн опять обращается к внелогическим аргументам, апеллирует к *практике*. Исчерпав аргументы, люди уже просто констатируют: практика такова. Скажем, «количество дров мы меряем так», «время узнаем так» и пр. Другие люди, в иных землях, в иные времена делают это иначе. У них так принято, и так жить и действовать тоже можно.

Но затруднениям в принципе нет конца. Нас может озадачить «дуальность» практики и правил. Не получается ли, что жизнь остается жизнью, а правила как бы образуют обособленный, замкнутый сам по себе чисто логический мир, до которого людям реального опыта нет дела? Отвечая на этот вопрос, тоже важно удерживать в поле внимания оба типа опыта: и логиче-

ский, и эмпирический. И стыковка их всякий раз будет чревата парадоксами.

И еще, одно из «грамматических разъяснений» дает осознать («напоминает») о том, что правила взаимодополняют друг друга, образуют некие единства. Так, *правила* играют важную роль в социальной жизни, поскольку они связаны с обычаями, традициями, нормами, установлениями и т. д. У разных народов, в различных культурах, языках формируется разветвленная сеть взаимосвязанных, переходящих одно в другое, пересекающихся понятий. В этой концептуальной сетке вполне можно запутаться (Гоббс: как птица в силке. Витгенштейн: как муха в мухоловке). В результате возможны концептуальные «сбои», тупики. Связанные с нарушением общих норм, принципов рассуждения, они носят *логико-философский характер*. На поиски выхода из таких тупиков тратится немало времени и сил. При этом философы, логики, лингвисты нередко вынашивали мысль об универсальном методе прояснения языка. Этой мечте не суждено было сбыться, что подтвердили специальные логико-математические исследования¹³.

Но если нет радикального средства от недуга, остается применять разные «терапии». Поздний Витгенштейн предлагает — для выхода из тупиковых ситуаций — терпеливые концептуальные разъяснения. В результате — двигаясь шаг за шагом, как по лабиринту, постепенно научаешься избегать концептуальных ловушек, выпутываться из них, находить выход. И в процессе такого показа пути к выходу, поиска ясности приходится ориентироваться по концептуальным «зарубкам», «напоминаниям», которые сами служат лишь правилами, указателями верного пути. Это — философские фразы.

Выходит, концептуальные философские фразы — это логико-грамматические *правила*. А правила не бывают ни истинными, ни ложными. На то они и правила. Взятые сами по себе, как таковые, они бесполезны, не работают. Если их выучивать, произносить, рассказывать на экзаменах и т. д., — то все это будет действительно напоминать лязгающие ножницы парикмахера. Философские правила (так же, как правила математические и логические) не есть что-то самодостаточное, как утверждения они звучат странно. На заявления типа «Все имеет свою причину» или «Возможность движения еще не есть само движение» и др. реагируют двояко: «Само собой понятно» или же «Что

¹³ Это стало понятно, в частности, благодаря работам К. Геделя начала 1930-х гг.

за чепуха». Кстати, Витгенштейн заметил, что они никогда не применяются к реальным предметам, ситуациям. Их поле действия вторично: осмысление, регуляция языка. Это лишь *нормы* действия языка. Все дело в том, что философские фразы «морочат нас», склоняют принимать их не за то, что они есть, как глубочайшие истины о мире, истины, недоступные иным сферам знания. Если же их принимать в такой, несвойственной им роли, то они действительно оказываются бессмысленными. Другое дело их работа в философском контексте. Чтобы убедиться в этом, достаточно, скажем, перечитать работу Р. Декарта «Размышления о первой философии» или «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна.

